

Кристина
ЮРАШ

П.М.С.

Ужасного
Принца

16+

Кристина Юрьевна Юраш

Принесите мне совесть ужасного принца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67827993

SelfPub; 2022

Аннотация

Принесите мне кто-нибудь совесть это ужасного принца, иначе я его убью голыми руками! В этом мире от королей до свинопасов, все выбирают невест при помощи отбора. И благодаря им моя школа для девиц процветает. Кто еще научит их правильно проходить испытания? Но однажды ко мне приехали со словами: "Достопочтенная Саломея! Мы вернем вам молодость, чтобы вы помогли нашей дочери пройти королевский отбор!". И теперь мы с ней две участницы самого грандиозного и опасного отбора на свете. Стиллет в чулках, отравленный гребень в прическе и обольстительная улыбка. Только такого принца я не видела!

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Где ширинка – там перед	10
Глава вторая. Ночная бабушка	19
Глава третья. Принц и Олушка	29
Глава четвертая. Отбор судьбе наперекор	39
Глава пятая. Дворец соплям не верит	54
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Кристина Юраш

Принесите мне совесть ужасного принца

Пролог

– Ваше величество! – послышался голос придворного мага из темноты. – Время пришло! Пора королевству обзавестись королевой и наследниками! Я все понимаю, но традицию мы должны соблюдать! Каждый раз, когда принц достигает тридцатилетнего возраста, по всему королевству объявляется отбор!

– Но мой сын не хочет жениться! – вздохнула королева, глядя на сидящего рядом короля, который молча вздыхал. – Он категорически отказывается! Он недавно заявил, что брак до добра не доводит! А буквально на днях он заявил мне, что девушки его вообще не интересуют!

Последнюю фразу королева добавила полушепотом. «Принцу нравятся мужчины!», – послышалось взволнованное в коридоре. – «Вы слышали?».

– Вот сволочи! Ничего сказать нельзя! – прокашлялась королева, поджав губы. – Везде есть уши! Я даже в туалет в

этом дворце сходить не могу! Уже все знают, зачем я пошла, куда я пошла и с какими результатами! Это просто невыносимо!

– Не переживайте, ваше величество! Скоро ваш сын женится, – усмехнулся придворный маг, потирая сухонькие ручки и поглядывая на короля, который сидел и улыбался чему-то своему.

– А вчера он мне заявил, что лучше съест перед народом свою корону, чем женится! – вздохнула королева, склоняясь к магу. – Он обещал прийти на отбор без штанов, чтобы методом тыка определить победительницу! Он так и сказал, на кого укажет, та и будет королевой! И чтобы невесты трижды подумали, прежде чем... Арктюр, я не знаю, может, вы с ним поговорите? Я не хочу превращать королевский отбор в королевский позор!

– Дайте-ка подумать, – старый маг почесал бороду, накручивая ее на свой палец.

– Но это еще не все! – возразила королева, кусая губы. – Он обещал, что девушки будут бежать дальше, чем видят! Что он им такое устроит – мало не покажется! Вот видите, девушки его не интересуют! Корона и трон тоже!

– Заинтересуют! Еще как заинтересуют! Магия, ваше величество, способна на многое! Все будет в лучшем виде! Женится наш принц! Еще как женится! Мы просто наложим на него одно проклятье, от которого он ни одной юбки не пропустит!

– Никаких проклятий! Я бы отменила отбор!– королева резко встала с трона. – Я не хочу, чтобы мой сын мучился, как его отец! Я, как мать, запрещаю!

– О, смею вас уверить, проклятие безвредное! Никаких проблем с ним не возникнет! Считайте это маленьким заклинанием! Не более! Только молодых служанок из дворца уберите на время действия! – усмехнулся старик, осматриваясь по сторонам. – Да, и на всякий случай и старых тоже!

– Я не про проклятие, – произнесла королева, сжимая в руках кружевной платок. – Проклятие можно снять. Есть вещи, которые не снимаются!

– Обещаю, я поговорю с ним, – закивал придворный маг, переводя тему и выпуская бороду. Она повисла седым завитком. – Я сумею убедить его, чтобы он согласился на отбор! Я могу идти, ваше величество?

– Да-да, конечно, – вздохнула королева, снова присаживаясь на трон.

– Любимая, ты меня слышишь? – в тишине опустевшего тронного зала слышался голос великого короля всея Норланда. – Мой сын уже стал совсем взрослым... А ведь совсем недавно я качал его на руках.

Королева сидела, словно каменное изваяние, глядя в одну, видимую только ей точку. Ее губы предательски дрожали, пока она пыталась совладать с собой.

– Да, любовь моя, пора объявлять отбор. Маги сказали, что дальше тянуть нет смысла, – вздохнул король, улыбаясь.

Его роскошная корона с алым камнем в оправе белого золота лежала на коленях, переливаясь драгоценностями. – И вот снова королевский отбор... Помнишь, свое платье, в котором ты появилась впервые? Да, то самое... Золотое... Я помню, как увидел тебя впервые, когда ты вошла в зал... Платье шелестело и сверкало, а я стоял, как дурак, не в силах оторваться...

Королева украдкой закусила дрогнувшую губу. Ее руки до напряженной белизны впивались в подлокотники.

– А помнишь наш первый танец? – спросил король, пока королева тяжело дышала. По напряженным пальцам пробежала нервная дрожь. Она сидела неподвижно. Роскошная и величественная. С бледным лицом, на котором отпечатались ранними морщинами бесконечное горе.

– Я помню, как держал тебя за талию, как мы кружились в танце. Я смотрел на твое лицо, а ты почему-то прятала взгляд. А потом я понял, что ты украдкой улыбаешься... Моя маленькая, я помню ямочки на щечках, каждый золотой локон, который выбился из прически, помню сверкающие шпильки и маленький медальончик, спрятанный в корсете. Как же ты была прекрасна... Я помню, как сказал тебе что-то... Какой-то пустяк, а ты замерла, словно я напугал тебя. А потом я увидел румянец на твоих щечках. Ты ответила, а я был рад слышать твой нежный голос, – шептал король с улыбкой.

Зубы королевы едва заметно стучали, пока она тяжело ды-

шала. Ее грудь, прикрытая ажурной шалью, вздымалась в усеянном жемчугами корсете. Она что есть силы закусила дрожащую губу, морщась от боли и беззвучно всхлипывая. Ее покрасневшие глаза смотрели в одну точку, а она сама боялась даже вздохнуть, чтобы не уронить набежавшую слезу.

– А помнишь прогулку? Я пригласил тебя прогуляться по королевскому саду. Ты тогда спросила меня: «А разве так можно, ваше высочество?». Я помню, как мы гуляли с тобой, а я взял тебя за руку и грел ее в своих руках. Тебе понравились магнолии... Мамины магнолии. Я тогда сорвал одну и приколот к твоему корсету. Мы тогда еще улыбались, что это «живой бант», – король счастливо вздохнул, улыбаясь сквозь седую бороду. – Сколько же лет назад это было, любовь моя?

Один взмах ресниц, и по щеке королевы скатывалась хрустальная, прозрачная слеза. Она стекала, оставляя влажную дорожку, по которой уже катилась следующая, нагоняя ту самую первую – самую горькую. Пальцы, которые держались за лакированный подлокотник трона, ослабли. Королева тяжело задышала, переводя украдкой взгляд на мужа и на драгоценности, которые сверкали на короне.

– Моя маленькая красавица, моя восхитительная девочка, моя любовь, – сглотнул король, улыбаясь и вздыхая. Он смотрел куда-то во тьму зала с отрешенной задумчивостью. Казалось, еще немного, он будет что-то напевать. – Я никогда не забуду тот момент, когда поцеловал тебя... Я никогда не мог представить, что губы женщины могут быть настоль-

ко желанными и сладкими. Ты замерла, словно маленькая птичка, пойманная и напуганная. А я утешал тебя поцелуями, уверяя, что мы с тобой будем вместе навсегда... Прошло столько лет, но я до сих пор люблю тебя...

И тут король склонился и поцеловал драгоценный камень, украшающий корону. Он встал, неся ее в руках, пока королева провожала его взглядом. Возможно, ей хотелось что-то сказать, но она молчала, роняя слезы.

– Объявляйте королевский отбор! – послышался голос короля, а все вдруг засуетились. Свечи вспыхнули голубыми огоньками, освещая роскошь зала и бриллианты королевских слез.

– Я тридцать лет живу в этом аду, – прошептала королева, стирая слезы и гордо вскидывая голову. – С того самого проклятого отбора!

– Он согласен! – послышался голос придворного мага. – Вот только при одном условии. Конкурсы для девочек придумывает он!

– Это конец, – всхлипнула королева, поглядывая на короля. – Это королевский позор!

Глава первая. Где ширинка – там перед

– Репетируем встречу с принцем! – вздохнула я, стуча тростью по блестящему полу. – Все на позиции! Стреляем глазками так, чтобы труп принца через минуту лежал на полу без единого шанса выжить! Чтобы подбежавшие целители, развели руками и королевскую семью на деньги! Дорочка, солнышко мое! Почему солнышко? Потому что светишь своими прелестями! Помните, чтобы был приличный кекс, в вас должна быть изюминки. На такую изюминку, как у вас не у каждого принца яиц хватит!

Я посмотрела в сторону закрытой двери, где уже грустно скрипел колесиками деревянный принц. Старая служанка с оханьем и причитанием катила впереди себя двухметрового деревянного мужика с таким лицом, словно прошел три войны и не просто видел в этой жизни всякое непотребство, а еще и принимал в нем активное участие.

– Госпожа Кляр, а в программе обучения было написано, что принц будет живым! – слышались недовольные голоса учениц, а следом согласный шепот: «Да! Живой! Живой и настоящий!».

– Вы хотите таки стать причиной смерти живого принца? Держите при себе свои кровожадные наклонности, – подави-

ла я бунт в зародыше, несколько раз ударив тростью по полу. – Помните, если принц упал к вашим ногам, это еще не значит, что он сражен вашей красотой. Его могло сразить все что угодно! Алкоголь, нож в спину и так далее! Продолжаем занятие! Вот принц! Там где пуговички – там перед! Где корона – там верх! Краткая история отборов. Сначала природа отобрала у мужика мозги, а потом он решил отомстить ей и отобрать себе невесту. Вообще, раньше приличные мужчины отбирали друг у друга власть, деньги, женщин. Бравый красавец с невестой в одной руке и окровавленным мечом в другой руке – вот это настоящий отбор. А не одно инфантильное мужское тельце мечется среди юбок со взглядом потерянным и не найденным! Но, увы, таковы современные реалии! Помните, что корону, что корову проигрывать одинаково обидно.

– Какой отбор показался вам самым сложным, госпожа Саломея? – слышался любопытный голосок из толпы.

– Естественный. Но я его не помню, – мрачно заметила я, глядя на невест. – Ох, уж эта мода! Где любовь, цветы, прогулки под луной, которые заканчиваются незапланированной беременностью? Где все это? Времена настоящей любви прошли! Наступили времена отборов! Каждый суслик возомнил себя принцем! Ладно, принц, которому нужны наследники! Граф, маркиз, барон, купец на худой конец!

– В вас умер поэт! – заулыбались девушки, вздыхая о горькой женской судьбе.

– Нет, поэт во мне не умер,— мрачно ответила я, чувствуя, как на погоду ломают кости. — Он застегнул штаны, встал и пошел! Так, что-то мы разговорились! Марш по местам! Принц идет!

Дверь открылась, а двухметровый деревянный принц торжественно въехал в зал, толкаемый старой служанкой, которая утирала пот со лба и отдувалась так, словно за все королевство.

– А что такое?— я смотрела учениц, пока принц на колесах тащился на свое законное место в центре зала. — Баклажан в штанах — лучший способ заставить вас опустить глаза! Запомните! Мужчины предпочитают два типа женщин! Девственниц с замашками куртизанки и куртизанок с замашками девственниц! Разницы они, к сожалению, не видят!

– Госпожа Кляр, я отказываюсь тащить мужика на себе! — послышался недовольный старческий голос служанки, которая с оханьем и аханьем толкала принца впереди себя, злобно глядя на его деревянную задницу.

– Мужа всю жизнь тащила, а тут принца не можешь! Смажь принца, а то скрипит! Кхе-кхе! — прокашлялась я, поднося к губам кружевной платочек. — Мирочка, лапочка! Почему лапочка? Потому что лапать принца не обязательно! Принц один, а вас много! Улыбнулись! Нет, не так, словно выследите и изнасилуете его в темном коридоре! Смотрите и учитесь!

Я с усилием поднялась и, опираясь на трость, горделиво

направилась к деревянному принцу. Мои шаги гулко отражались от стен зала. Ученицы прошелестели платьями, сбилаясь в кучку и освобождая мне место.

– Улыбаться нужно загадочно! Словно мужики уже загадили вам душу! Сначала смотрим с разочарованием: «Фу, какой урод!» и отворачиваемся, а потом бросаем мимолетный взгляд: «Что-то в нем все-таки есть!», – демонстрировала я. – Повторяем! Фу, какой урод! Хм... что-то в нем есть! Эриночка, я тебя умоляю! От такого взгляда принца удар хватит! Такое чувство, словно он согрешил с твоей кошкой!

– Простите, я плохо вижу! – послышался голос ученицы, а она оттянула уголок глаза.

– Да ты просто счастливица! Там смотреть не на что, поверь мне, зайка! – согласилась я, а служанка толкала мое любимое кресло по паркету, чтобы я на него приземлилась. – Еще разочек! Дальше у нас реверанс! Дорочка, реверанс отличный. Только вот не нужно делать такое лицо, словно вместе с юбкой ты оттягиваешь трусы! Не заходим за черту! Мирочка, лапочка, не надо так моргать. Меня продует! У меня больная поясница! Мирочка! От такого кокетства принц простудится и заболеет! И вместо отбора будут торжественные похороны!

– Мне соринка в глаз попала, – всхлипнула Мирочка, растягивая платье.

– Лучше соринка в глаз на отборе, чем соринка в вас после победы! – согласилась я, строго глядя на попытки отвесить

реверанс. – А теперь начинаем кокетничать!

– А как правильно кокетничать? – занервничали ученицы, пока я смотрела на свои сморщенные руки, прикрытые кружевными митенками.

– Тут все просто, – усмехнулась я, с сожалением глядя свои пальцы. – Сначала смотрите на принца, словно он без трусов. Потом смотрите на принца, словно на вас нет трусов. И в самом конце вы смотрите на принца так, словно вы кого-то убили, и подозреваете, словно он об это знает. Повторять до тех пор, пока принц не обратит на вас свое внимание!

– В вас умер философ, – заулыбались ученицы.

– Наговаривают. Он просто просто оделся, чмокнул меня в щечку и ушел, – улыбнулась я, разглаживая морщины на руках. – Единственное, что во мне умерло, так это совесть. Мучилась она недолго, а все никак не могу собрать деньги ей на достойные похороны. Так что оплату за обучение попрошу не задерживать!

– Госпожа Саломея! – послышался голос служанки, а дверь распахнулась настежь. – Вас хотят срочно видеть!

– Я чем могу помочь? Пусть сходят к целителю и им пропишут капли для глаз! – отозвалась я, понимая, что все мои гости уже давно на погосте. – Девочки, продолжаем! В случае чего вы всегда можете рассчитывать на приз «Семейные симпатии», а это, поверьте, иногда куда важнее выбор самого мужика.

– Там господин пришел, – служанка оглянулась, пока я ле-

ниво вставала с кресла. – Хочет с вами серьезно поговорить!

– Одну минутку. Я сейчас посмотрю в списке моих дел окно для разговоров. Хм... О! Есть свободное «никогда». Надеюсь, никогда его устроит? – вздохнула я, роняя платок на пол. – Девочки, на сегодня урок окончен! На следующий урок отрепетировать соблазнительный взгляд. Только возле пруда! Зеркала не подойдут! Репетируем до тех пор, пока на пруду все лягушки не вымрут! Гадость какая! Так и им и надо!

В открытую дверь стайкой вылетали оживленные ученицы, которые уже через месяц победят в своем отборе. Я посмотрела на улицу, вспоминая, что проезжала мимо десятка объявлений про отборы невест, и тут же огорчилась, как женщина и обрадовалась, как очень богатая и жадная учительница.

– Мадам Кляр, – послышался мужской голос. В зал, отодвигая растерянную служанку, вошел солидный господин под ручку с солидной госпожой. Госпожа семенила рядом, осматривалась, а господин на ходу снимал шляпу. – Рады вас приветствовать. Мы очень наслышаны о вас!

– Я тоже о себе наслышана, не переживайте. То, что я слышала – это ложь. На самом деле все было гораздо хуже, – я внимательно смотрела на господ, которые переглянулись, едва заметно кивая друг дружке. – Мне нужно отдавать честь? Если нужно, говорите сразу. Сорок лет назад я ее куда-то положила. До сих пор найти не могу. С чем пожаловали?

– Госпожа Саломея Кляр, – с нервной улыбкой просительницы начала женщина, пока я философски смотрела в окно и пыталась выяснить, почему ноют суставы. Какая с... , простите, тучка, нарисовалась на горизонте. – У нас к вам есть очень важный разговор!

– Замечательно, – вздохнула я, опираясь на трость с золотым набалдашником. – Давайте я попробую догадаться? Хм... Отбор, не так ли?

– Да, – почти хором заметили господа, одобрительно переглянувшись. Нет, все-таки ночью будет дождь! Не может ломить поясницу просто так!

– Высокопоставленный жених, – снисходительно перечисляла я, поворачивая вокруг среднего пальца кольцо с крупным рубином. – Шансов мало. Замуж нужно. Я все учла?

– Да, – тут же закивали мне, пока я лениво встала, тяжело опираясь на дорогую трость и пытаясь разглядеть в окошке причину испорченного настроения, но пока еще ничего не видела. – Только вот у нас к вам очень неординарная просьба... Не могли бы вы поучаствовать в отборе? Лично?

Я медленно повернулась в сторону родителей, глядя на них снисходительным взглядом.

– Отлично! Где этот старый проказник? Кто этот старичок, решивший потряхнуть стариной? Где этот сраженный инфарктом ловелас? – спросила я, глядя на гостей с усмешкой. – Если раньше мужчины клали на меня глаз, то теперь кладут челюсть. Это означает, что я очень аппетитная. До-

рогие мои, сейчас вы скажете мне, что кто-то из моих давних поклонников решил наконец-то жениться, то стукните его лопатой и передайте, чтобы возвращался в свой фамильный склеп.

– Вы нас не поняли, – нервно улыбнулась мадам, со вздохом посмотрев на супруга. – Мы хотим, чтобы вы поучаствовали в королевском отборе. Принц женится, поэтому уже час, как объявили отбор.

– Какая прелесть. Я была о принце лучшего мнения, – усмехнулась я, глядя на свои старческие руки. – Вы понимаете, как это будет выглядеть? Я выйду под аплодисменты. Причем, хлопать мне будет моя собственная грудь!

– Вы отлично выглядите, – тут же залебезила гостья, пока я осторожно доставала из кружевного рукава рецепт, выписанный мне целителем.

– Итак, мятная настойка, – вслух читала я, поглядывая на гостей, которые убеждали меня в том, что я не выгляжу на свои годы. – Полстакана в первой половине дня. Сердечные капли. Полшишки в день. Простите, но мой целитель не рекомендует мне полшишки принца. И полстакана тоже. Вы понимаете, что я не смогу долго стоять. Мне придется присесть. А сидеть в присутствии королевских особ можно только в тюрьме. Но там сыро и холодно.

– Вам не нужно побеждать, – заметили господа, а за окном что-то гроыхнуло и зашелестело.

– Простите, вы меня перебили. А перебивать старших –

нельзя. Мало ли, а вдруг они не успеют сказать что-то важное и переедут на тот свет? – улыбнулась я, в надежде, что от меня отвяжутся. – Итак, что мы имеем! Единственного мужчину, с которым я кувыркаюсь в постели и практикую позы, зовут радикулит. Рекомендую. Поверьте, другим мужчинам до него далеко. Это раз. Второе. Единственный отбор, который меня ждет, давайте будем честными, отбор червей на кладбище. Еще вопросы есть?

– Дело в том, что одной девушке очень нужна помощь, – издалека начала гостя, шурша дорогой юбкой. – Она без вашей помощи не справится...

– Из того далека, откуда вы начинаете, проще кричать «ау!». Приводите девушку сюда. Я готова позаниматься с ней лично. Результат зависит от хорошего слуха и умения выполнять элементарные команды. Например «улыбнуться!», «красиво сидеть!», «изысканно лежать!», – отмахнулась я, вставая с кресла и двигаясь в сторону коридора. – Завтра в девять я жду вашу девушку. О цене договоримся. Учтите, я не налоговая. Берусь не за всех!

Глава вторая. Ночная бабушка

– У нас нет столько времени! Это раз, – прокашлялся гость, ослабляя нашейный платок с брошью – камеей. – А во вторых, вы понимаете, насколько опасен королевский отбор? Наша девочка просто не выживет! Ее отравят, заколют, подoshьют наемных убийц! Вы понимаете, что на кону корона?

– Не нагнетайте. Я помню отбор, где на кону была корова. Там, поверьте, выжило всего лишь две участницы, – вздохнула я, краем глаза следя за гостями, которые не собирались от меня отставать. Мы поднимались по лестнице, вдоль которой висели портреты лучших выпускниц. – Вот, посмотрите! Герцогиня Де Лафаетт, которую я помню Марианной «не ковырай в носу», баронесса Де Мормор, которую я помню еще Джулией «держи ногу прямо» и «еще раз улыбнешься, отбор превратится в похороны!»... Так, кто тут еще?

– Мы не сомневаемся в вашем опыте, – перебили меня с бесцеремонностью молодежи. – Мы хотим, чтобы вы приняли участие в отборе. Лично. Понимаете, нам нужно, чтобы наша дочь стала королевой! Вы же поможете ей с заданиями и, так сказать, присмотрите за ней под видом участницы.

– Замечательно, – покачала головой я, расправляя кончиком трости роскошный ковер. – За иллюзии на королевском отборе полагается наказание в виде лишения свободы. В королевской тюрьме очень сыро и холодно, поэтому оставшая-

ся половина моего здоровья предпочитает быть очень законопослушной.

– Мы можем предложить вам очень заманчивую награду! – почему-то прошептал мужчина, осматриваясь по сторонам. Он придвинулся ко мне так близко, что я уперла набалдашник трости в его бархатную грудь. – Я вас уверяю, вам она понравится!

В этот момент что-то гроыхнуло за окном, а плотные занавески бордового цвета на мгновение прорезала вспышка молнии.

– Простите, но вы стоите на моем платье, – ответила я, отодвигая настойчивого господина, пока его супруга внимательно изучала мою галерею и вздыхала. – Можете говорить громче. Этот дом очень старый. Даже если у стен есть уши, то они все равно глуховаты.

Мы уже стояли на площадке второго этажа перед дверью моих покоев.

– Надеюсь, нас никто не слышит? – гость склонился ко мне, бегая глазами по пустому коридору.

– Говорите громче, моя жадность слегка глуховата, – с усмешкой я, не чая, как избавиться от назойливых гостей. – Чем старше я становлюсь, тем хуже она слышит.

– У нас есть то, что позволит избежать иллюзии, – едва слышно прошептал гость, пока его супруга нервно наматывала на палец кружевной платок. – Вы слышали про зелье на крови дракона? Всех драконов истребили ради крови, поэто-

му второго такое зелье вы нигде не найдете. Даже за огромные деньги! Мой прапрапрапрадед был магом, так что, возможно, у нас в семье хранится последнее зелье молодости.

И мы готовы отдать вам его за вашу помощь. Поверьте, больше нигде такого вы не найдете.

– Звучит заманчиво, – произнесла я, приглашая их в свой будуар. В огромном золотом зеркале отражалось мое лицо, покрытое густой сеткой морщин. Седые волосы были уложены в роскошную прическу, скотутую бриллиантовыми шпильками. В камне уютно горел огонь, а под поясницей появилась маленькая мягкая подушечка.

– Продолжайте, – выдохнула я, занимая удобное положение перед зеркалом. Как ни грустно, я всегда надеялась увидеть в зеркале что-то другое. Не бархат и шелка, ни блеск бриллиантов. Когда я была молода, моими бриллиантами были глаза. Моим бархатом была кожа, а волосы лучшим шелком. Но тогда у меня не было ничего. А сейчас, когда есть абсолютно все, чего может пожелать душа в меркантильных пределах, я бы с удовольствием променяла все это на дешевенькое колечко из дерева и очаровательную улыбку.

– Вот, – прошептал гость, доставая небольшую шкатулку, оббитую траурным бархатом. Пыль лежала на ней белой россыпью звезд. Я вопросительно подняла бровь. Гость открыл ее одним щелчком, показывая мне маленький пузырек с кровавой жидкостью, припорошенный все той же пылью.

– Я помню себя в свои шестнадцать. Все мужчины каза-

лись мне прекрасными, – улыбнулась я, видя, как плещется жидкость внутри пузатой старинной колбочки, запечатанной золотой печатью в виде дракона. Скорее всего, подделка. Обычное зелье иллюзии впаривают за баснословные деньги. – В восемнадцать лет все мужчины казались мне прекрасными, кроме двух. В двадцать лет все мужчины казались мне прекрасными, кроме пяти. И уже к тридцати годам количество разочарований достигло двух десятков.

– Так вы согласны, – настойчиво протягивали мне шкатулку. Хм, а с другой стороны, они прекрасно знают, что иллюзии на отборе запрещены.

– Вы уверены, что это то самое зелье молодости? – задумчиво спросила я, поглядывая на золотые нетронутые пломбы. – Учтите, если я помчусь в туалет молодой и резвой козочкой, это не значит, что зелье подействовало.

– Она почти согласна, – шепнула гостя, глядя на мужа, который протягивал мне шкатулку с заискивающей улыбкой.

– Хорошо. Если это действительно то зелье, то финал я вам гарантирую. А вот на счет первого места, увы, гарантий дать не могу. Но со своей стороны сделаю все возможное, – задумчиво ответила я, глядя безотрывно на багровую драконью кровь. – Помните о том, что смертность среди конкурсанток всегда высокая. Особенно, когда остаются две участницы...

– Наша дочь должна победить, – настойчиво произнес отец, пока мать кивала. – Она должна стать королевой Нор-

ланда!

Я смотрела на них и понимала, что что-то не то... Мой взгляд задумчиво скользил по увядшей шее, прикрытой роскошной бархоткой.

– Покажите портрет дочери, – внезапно потребовала я, протягивая руку. – У вас, надеюсь, он есть с собой?

– Да-да! Одну минутку, – занервничала мать, дрожащими руками расстегивая брошку на груди. – Вот она... Будущая королева Норланда!

За все время моего ухода от налогов, то есть со времен основания моей школы, я видела все. «Очаровательна! Прылес-с-стна!», – нахваливала я даже девицу с фигурой гренадера и грацией портового грузчика, которая цепляла головой мою любимую килианскую люстру из тончайшего килианского стекла. А сама тем временем приписывала нолик к стоимости обучения.

С маленькой виньетки на меня смотрела писаная красавица с роскошными локонами, которая улыбалась нежной и загадочной улыбкой скромницы.

– Сударь, не могли бы вы поискать в своем предложении подвох. А то я его где-то видела, но не помню, где, – выдохнула я, понимая, что с такими внешними данными понравиться принцу будет не так уж сложно. А вот выжить – намного сложнее. Я вернула портрет матери, которая снова приколотла его к красивому банту, любовно разглаживая и собирая ручки на груди.

– Никакого подвоха нет! Мы договорились? – обрадовался счастливый отец, протягивая мне руку. – Магическая клятва!

Я со вздохом протянула руку в ответ, видя, как светится зеленоватым светом его фамильный перстень – печатка и как окутывает наши руки таинственная магия. Хм... Темная магия? Если магия темная, значит, клятва нерушимая. Странно, очень странно. На столик опустилась шкатулка, а я бережно вынула флакон, срывая золотые печати одну за другой. Из горлышка пошел алый дымок. Моя рука потянулась за бокалом, стоящим возле зеркала, а алая жидкость кровавой струйкой омывала хрустальные стенки. Я недоверчиво поднесла зелье к губам, не сводя взгляда со своего сморщенного, как урюк, отражения. Первый глоток обжег мое горло, заставляя судорожно глотать воздух и морщить лицо. От второго глотка на глазах выступили слезы. Третий и последний глоток оставил во рту такой привкус, от которого хотелось срочно закусить.

– Кхе, – сморщилась я, ничего не видя перед собой. Мне казалось, что из носа валит алый пар, а в желудке началась настоящая революция. По телу пробежала волна тепла, заставившая меня вздрогнуть от неожиданности. Пустой флакон упал на ковер и затерялся в мягком ворсе, пока я, схватившись за горло, сползала по столику вниз. Жар внутри разгонял кровь, лихорадочно тело затряслось. В какой-то момент жар стал настолько невыносимым, что я едва не закри-

чала, как вдруг застыла перед зеркалом, глядя на то, как серебро седины превращается золото волос, морщины разглаживаются, и в глазах появляется прежний блеск и задор. Я не верила самой себе, глядя на свои руки и ощупывая ими свое лицо.

Я чувствовала себя сердобольной бабушкой, приютившей десяток гадающих и царапающихся кошек в желудке, но из зеркала на меня смотрела молодая девушка с золотыми волосами и выражением лица, словно поцеловала жабу. Неужели? Я снова молодая? Кожа на руках стала гладкой, а я сорвала кружевные митенки, любясь переливами рубинового кольца. На всякий случай я стянула со стола золотое зеркальце, в котором виднелся мой глаз и часть румянца.

– Я так понимаю, что это – навсегда? – спросила я, рассматривая свои розовые ладони и глядя бархатистую кожу рук.

– Разумеется! – почти в голос воскликнули гости, заметно нервничая.

– Простите, мне нужно буквально минут десять, чтобы закончить кое-какие дела, – усмехнулась я, бросая взгляд на свое молодое отражение.

– А можно вам задать очень нескромный вопрос, – госпожа вздохнула, пока я придирчиво осматривала свое декольте и достала из укромного места скромную шкатулочку. На столик лег чистый лист бумаги, а я стала задумчиво выводить первые строчки. – Почему вы так и не стали женой принца?

Не вышли замуж за какого-нибудь герцога, графа...

– Мне три раза предлагали: «Ты выйдешь за меня?». В первый раз это было так романтично! Герцог, я и сгорающий от нашей страсти камин. Помню этот робкий взгляд, – начала я, не переставая писать кое-что очень важное и глядя на то, как выражение лица госпожи стало таким мечтательным. – Герцог взял меня под локоть, а свечи плавилась, плавилась... «Ты выйдешь за меня?», – слышался его голос, когда он подталкивал меня к балкону. «О, нет! Я не согласна!», – пафосно заметила я, отгибая тяжелые шторы и видя разъяренную толпу, которая срочно требовала подлеца – герцога, взвинтившего налоги. Помню, как я уже стояла возле толпы и рассказывала им, с какой стороны правильно штурмовать замок. Я ему сразу говорила – купи мне эту брошку! Глупая была, да? За какую-то брошь! Сейчас бы я, конечно, так не поступила бы. Я бы требовала половину сокровищницы. Но тогда я разбила ему...

– Сердце? – подсказывала госпожа, глядя на меня с уважением.

– Нет, голову. Подсвечником, – улыбнулась я, вздохнув от накативших воспоминаний. Два моих постоянных любовники – ревматизм и радикулит ушли, хлопнув меня напоследок по измученной попе. А я искренне решила не встречаться с ними еще как минимум лет сорок. На чем я остановилась? Вспомнила! «Я искренне люблю тебя, хотя видела всего один раз в жизни...», – вывела я на бумаге. «Кого мы

любим?», – прошамкала внутри меня любовь, подслеповато щурясь. «Никого! Спи дальше!», – усмехнулась я, обмакивая перо в чернила.

– А второй раз? – с замиранием спросила гостья, пока я смотрела на трофейное рубиновое колечко.

– О! Второй раз я помню, словно это было пять минут назад. Представьте себе! Роскошные покои, бархатный балдахин, фрукты на столе в дорогой вазе, молодой граф, стоящий на коленях передо мной. «Ты выйдешь за меня?», – шепчет он, а я отрицательно качаю головой, поглядывая на запертую изнутри дверь. «Открывай, подонки! Мы пришли, чтобы вырезать тебе сердце!», – орали мужские голоса. Я помню, как изменила ему. Вышла за двери балкона. Дальше по старому карнизу, а потом уже не интересно, – махнула свободной рукой я, выводя свою роспись и скрепляя письмо печатью. – Третий раз случился с одним принцем. Тогда в другом государстве, а нынче в нашем. Помню, как он стоял в мундире. О, каким он был красивым! Помню, как сверкали его пуговицы. Принц прижал меня к груди и вздохнул: «Я был бы счастлив, если бы ты вышла за меня!». «Прости, я боюсь, что вынуждена отказаться!», – ответила я. «Тогда ты выходи за меня, брат!», – взмолился мой принц, цепляясь за брата. Но тот тоже отказался. «Ваше высочество! Вы выходите? Армия ждет вас!», – слышался голос. – «Враги уже нарушили границы!».

Я бережно запечатала первое письмо, сбрызнула его ду-

хами и положила на стол. А второе письмо я спрятала себе в декольте. Мой старый портрет смотрел на меня со стены суровым взглядом знатной дамы.

– Все, теперь можем ехать, – улыбнулась я, гася магические свечи.

– Простите за любопытство, – прокашлялся господин, пока мы спускались по лестнице моего пустого дома. Служанка придет только утром, поэтому дверь в комнату придется оставить приоткрытой. – А что вы делали?

– Обеспечивала вам и мне достойную старость вне королевской темницы. Если бы кто-то узнал про зелье, то нас бы разделяла стена королевской камеры, – улыбнулась я, достав письмо, которое написала самой себе. – У вас найдутся старые чемоданы и какое-нибудь потрепанное платье? Очень нужно.

– Я просто хочу вас сразу предупредить! Наша дочь – очень ранима. Поэтому бить ее тростью я не позволю! – строго произнес господин, заглядывая мне в декольте с явным мужским интересом, пока я тростью придерживала двери.

– О, по этому поводу не беспокойтесь, – улыбнулась я, усаживаясь в карету, стоящую возле моих дверей. – Я никогда и ни за что не бью учениц! Тем более тростью! Во-первых, это не эффективно. Во-вторых, мне жаль мою трость. А в третьих, я предпочитаю бить их по кошелькам родителей. Аккуратно, но сильно!

Глава третья. Принц и Олушка

Мы ехали вдоль набережной, пока я задумчиво смотрела на дождь, стекающий ручейками по стеклу, и слушала, как он монотонно барабанит по крыше кареты.

– Остановите, – попросила я кучера. Кони встали, а открыла дверцу кареты и бросила возле кованого ограждения свою трость и платок. – Теперь можете ехать...

– Что вы делаете? – спросил меня гость, пока я смотрела на огромную реку. Мы въезжали в старый город, где было полным-полно старинных особняков, разодетых дам, напыщенных господ и прочих любителей платить мне деньги.

– Ничего особенно, – улыбнулась я, проверяя письмо и перстень печатку в недрах мрачного корсета. – Подбрасываю улики на место ужасной трагедии...

Семейная пара покивала, а мы встали возле роскошного дома с высокими белыми колоннами. Уютные волшебные фонари освещали пышный цветущий сад и красивую мощеную дорожку, ведущую к ступеням.

– Приехали! – послышались многочисленные голоса и топот ног, когда мы вошли в дом. Служанка, подобрав юбку, бежала по ступеням вниз, воплями докладывая, что ничего не готово!

– Как это не готово? – опешил господин, бросая на ходу ей перчатки и поднимаясь по лестнице. В открытой двери

вовсю горел магический свет, а на паркете лежали обрезки лент, какие-то цветы и даже бусы. Вечер перестал быть томным.

– Несу! – слышался уставший женский голос откуда-то сверху, а вниз с топотом стада коней пробежала другая служанка с ворохом какой-то одежды. Она мельком посмотрела на меня таким выразительным взглядом, который я не видела даже у ветеранов, прошедших кровавую войну Возвращения Исконных Земель Норланду.

– Простите. Приготовления! – тут же нервной улыбкой извинился господин, пока я рассматривала огромные семейные портреты, расписанные с пафосом «Императорская семья на выгуле». «Даная! Неси кружево!», – орала еще одна уставшая служанка, свесившись с перил. Я не удивлюсь, если как только все уснут, она подкрадется к хозяйской кровати с топором. – «Быстро неси кружево! Сию же минуту!».

– Пройдемте, – хозяин взял меня под локоть, но я убрала руку, по привычке опираясь на перила. «Несите гарнитур!», – визжал кто-то сверху. Обычно таким голосом визжат: «Есть целитель? Среди вас есть целитель?». По лестнице, обгоняя нас и стуча ногами на зависть всем плотникам, уже мчалась растрепанная служанка со старинной шкатулкой.

Мы прошли по коридору и меня пригласили в открытую дверь, откуда слышались нервные голоса: «Мадемуазель! Повернитесь немного вправо! О! Принц точно будет

вашим!».

– Грехом на душе, – усмехнулась я, снисходительно глядя на все приготовления, разбросанные по коридору.

– Несите другие туфли! – на нас выскочила служанка, едва не сбив нас с ног.

– Ее случайно не Инфаркт зовут? – спросила я, видя, как она неловко извиняется, устремляясь со звуком стучащей от порывов страсти кровати на деревянном полу, вниз по лестнице. Отчаянный визг: «Ту-у-уфли!» разносился по дому сея ужас, панику и смятение.

В комнате, обставленной со вкусом жадного хомяка и фантазией слепого дятла, на пуфике, едва не цепляя головой роскошную люстру, стояла изнывающая девица лет восемнадцати. Портретист слегка приукрасил ее, но в целом это была обычная девушка, которая выглядела на свои свежие и девственные восемнадцать. Темные волосы, светлые глаза и вид, и вид, словно для полного счастья ей не хватает крюка и прочной, но мягкой веревки. У меня отлегло от сердца. Все могло быть намного полнее, кривее, рябее, косее, хромее и лысее.

Вокруг девицы нарезали хороводы швеи, что-то прихватывая иголками и постоянно расправляя. Огромное шуршащее платье неопределенного цвета искрилось драгоценностями, пока швеи, усердно корпели над юбкой.

– О, такое платье заставит принца бросить все и упасть

к вашим ногам, – заискивали швеи, нарезая ткань и круги вокруг девицы.

– Сраженного красотой и подлостью последней ступеньки, – с усмешкой заметила я, оценивая шансы протее. Пока что по шкале «принц бежит за красавицей с ее туфелькой в руках» и «принц бежит со своей туфлей от красавицы, чтобы в случае чего отбиваться ни на жизнь, а насмерть», я остановилась на «принц посмотрел на меня исключительно потому, что я наступила ему на ногу!».

– Хорошо бы! – мечтательно произнесла девица, глядя на то, как швея перегрызает зубами нитку, пока вторая клацает ножницами.

– Даже не сомневайтесь, – поддакнули швеи, приподнимая складками радужную ткань. – Принц будет еще бегать за вами!

– Ну да, корону сдвинет на брови, подтянет кальсоны и вприпрыжку по дворцу. Ну-ну, – усмехнулась я, глядя на то, как девица трясет локонами, глядя на меня с удивлением. Ее каштановые локоны были собраны в дульки, а на шее сверкал бриллиантами внушительный гарнитур.

– О, вы плените принца! – подлизывались швеи, спешно пришивая цветы к основанию корсета.

– Я понимаю, что вы уверены в том, что принц, как настоящий кобель прельстится газоном и оставит метку? – спросила я, а швеи посмотрели на меня с ненавистью.

– Изабелла! Будущая королева Норланда! – спохватилась

мать и тут же представила мне девуцу, которая обернулась, придерживая руками корсет и хлопая красивыми светлыми глазами. – Я прямо не знаю, сейчас кланяться ей, или все-таки подождать, пока она не победит в отборе!

– Здравствуйте, – вежливо произнесла девушка, глядя на меня ясным взглядом.

– А это... – произнес отец, указывая рукой на меня. – Са...

– Кладбище несбывшихся мужских надежд, – перебила я, заметив кресло. – Очень приятно.

– А почему кладбище? – удивилась мадам, любясь платьем дочери, напоминающее какашку единорога.

– Я поставила крест на уборке, готовке и идее выйти замуж за кого попало.

Я спокойно села в кресло, морщась по привычке. «Где у нас еще жемчуг?», – рывкнула одна швея другой, перерезая нитку ножницами. А вторая побежала за коробкой.

– Это – самый модный наряд из всех! – гордо произнес отец, любясь своей дочуркой. – Мы, разумеется, не поскупимся! Ради будущей королевы Норланда!

– Какой прелесть, – вздохнула я, глядя на платье и подложив руку под голову. – Я вообще люблю идиотизм в чистом виде. Так что порадуйте меня еще чем-нибудь...

– Что значит «идиотизм»? – опешил отец, пока швеи подняли головы. – Это лучший наряд, который только можно себе позволить! Самый модный!

– Тс! – я прижала палец к губам, и все притихли. – При-

слушайтесь! Слышите, как то же самое говорят на всех концах города? Да что вы! Даже в разных концах страны! Это самый модный цвет! А давайте наденем фамильный гарнитур!

– Я ничего не слышу, – помотал головой хозяин дома, глядя на супругу. Так удивленно посмотрела на платье.

– Хорошо, – усмехнулась я, вставая и подходя к коробке с жемчугом. Я молча высыпала ее на пол и села в кресло. «Что вы себе позволяете! Уберите руки!», – заорали швеи, глядя на меня так, словно с удовольствием пошили мне последнее платье, оставив визитку в моих навсегда похолодевших руках.

– Я позволяю себе очень многое. Я вообще люблю баловать себя, – ответила я, понимая, что метать бисер перед свиньями – моя работа. – Скажите мне, какую из жемчужин вы запомнили?

– По-моему, они все одинаковые, – прищурился хозяин дома, а хозяйка с прищуром вглядывалась в жемчуг, пожимая плечами.

– Да как вы смее! – одна из швей уперла руки в боки, пока я смотрела на ее раскрасневшееся от гнева лицо. – Уберите эту женщину! Она мешает нам работать! Я отказываюсь работать, пока она здесь! Это самое модное платье из всех, которые мы шили! Я настаиваю!

– Приношу глубочайшие извинения, – усмехнулась я, глядя на пошлый куст цветов на бедрах «будущей королевы»

и на огромное декольте почти до пупка.— Куда положить?

— Цветы очень худят! — возразила вторая швея, высовываясь из-за пышной юбки.

— Кошелек родителей. Всего хорошего, — махнула я рукой, пока Изабелла распахнула глаза, с ужасом глядя на меня. «Быстрее, Марго, нам еще одно платье шить! Забери остатки ткани! Там как раз заказали по последней моде!», — слышалась возня за спиной. Дверь с грохотом закрылась, а я критично посмотрела на наряд.

— Никогда не бывает второго шанса произвести первое впечатление, — произнесла я, вставая с кресла. — На отбор придет человек сто. И половина из них будет в одинаковых платьях. Принесите мне шаль.

— Зачем? — в один голос спросили хозяин и хозяйка, пока я терпеливо ждала.

— И какую-нибудь ужасную брошь, — потребовала я у служанки, которая вопросительно смотрела на хозяев: «У нас их много!».

— Милочка, сейчас объясню! Закрываешь один глазик, достаешь шаль, если глазик не вытек, то эта шаль нам не подходит! — ответила я, глядя на обрезки на полу.

Через пять минут слышался стук ног по деревянной лестнице, а мне сунули шаль такого цвета, от которого в каждом умирает художник. Она была ядовито — зеленой, с какими-то бурыми пятнами.

— Эта шаль — билет во второй тур, — усмехнулась я, набро-

сив ее на плечи Изабелле. – Если вместо «еще одна участница» объявят «девушка в ужасной шали!» – это победа.

– Я ее не надену! – послышался истерический визг, а шаль упала под красивые голубые туфли. На глазах ее выступили слезы. Она топала ногой, хныча и топча шаль. – Это позор! Выбросьте ее! Немедленно!

– Послушай меня, дорогая моя. Даже королевский садовник каждый день видит фамильные гарнитуры и роскошные платья. А такую шаль они не видели никогда, – спокойно произнесла я, подозревая, сколько проблем принесет мне эта красавица, которая сейчас орет: «Как теперь принц влюбится в меня? В этом убожестве?». – Любовь и отбор – две вещи несовместимые, мое наивное дитя. Любовь с первого взгляда возможна только между тобой и пирожным.

– Записывайте, – приказала я, пока служанка бегала за прибором. – Сейчас будем репетировать. Чтобы завтра от зубов отлетало. Пишите. «Я очень надеюсь победить, поэтому надела шаль моей прабабушки. Она приносит мне удачу! Если вам интересно, я могу рассказать вам ее историю! Однажды к прабабушке в дом постучался таинственный незнакомец... Ой, простите, я и забыла, что у нас так мало времени. Извините. Как –нибудь в другой раз».

– И все? – ужаснулись родители, пока я спокойно смотрела на дрыганье ногой и задиранье пышной юбки.

– Уважение к традициям очень ценится в любой знатной семье, – ответила я, глядя на часы. – К тому же любопытство

никто не отменял.

– Мама! Папа! – рыдала Изабелла, а я спокойно смотрела на истерику. Таких очаровательных и наивных девиц я ласково называю «олушками». – Я не буду это говорить! Скажите ей! Я не стану такое говорить перед принцем!

– Мы наняли ее для того, чтобы ты стала королевой! – послышался голос отца, который пытался успокоить дочь. – Изабо, я прошу тебя!

– Я все не так представляла! – возмущалась девушка, пока часы на стене умиротворенно тикали, показывая, что время уже перевалило за полночь.

– Если она меня учит, то почему она сама не замужем за принцем? А? – возмущалась «олушка», тыкая в меня пальцем.

– Милая моя, – улыбнулась я, глядя на свои руки. – Как бы тебе это объяснить. Женщина – это не только чарующий голос, симпатичная фигура и милое личико, но еще и декоративные мозги. Вещь абсолютно ненужная, бессмысленная в мужских глазах. Это что-то сродни кружевным трусикам. Только вот с одной разницей. Трусики можно снять, а с мозгами этот номер не прокатывает.

– Изабо! Успокойся! – вещала мать, пытаясь унять девичью истерику. – Я прошу тебя! Делай все, как она сказала! Завтра в полночь будет отбор! И ты обязана победить! Папа взял с нее магическую клятву, что ты победишь на отборе! Изабо!

– Принесите мне старое платье и старые ботинки. И пару старых чемоданов. Чем страшнее, тем лучше, – попросила я, слыша, как «будущая королева» выбегает из комнаты и громко хлопает дверью. – Мне пора домой.

Я терпеливо сидела на пороге собственного дома, заплетая волосы в дурацкую косу и размазывая грязь по письму. Рассвет подкрался незаметно, освещая потрепанный саквояж, в котором лежали старые гнилые тряпки. Из дырявых, стоптанных туфель на два размера больше торчал полосатый серый чулок с огромной заплаткой.

– Саломея Кляр сегодня не принимает! – послышался голос старой служанки, которая зыркнула на меня и презрительно усмехнулась.

– Простите, но мне пришло ночью вот такое письмо, – жалобно заметила я, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая на потертую роскошь старого особняка. – Я – ее восьмьюродная племянница по линии шестьюродного брата! Я как раз собиралась на отбор, а тут ... а тут такая новость!

Глава четвертая. Отбор судьбе наперекор

– Дорогая Роза, – прищурилась служанка, читая послание, пока я смотрела на собственные окна. – ...я люблю тебя, хоть и видела один раз в жизни.... Так, понятно... все завещаю тебе!

Служанка бросилась в дом, а я осторожно прошла в холл. Через час по дому разгуливал боевой маг – констебль со сверкающими пуговицами и серебристой печатью заклинания свистка. На полу лежала моя любимая трость, а служанка мяла в руках конверт из-под второго письма.

– Родственники есть? – мрачно спросили боевые маги, пока я сиротливо жалась в уголок, пряча туфли под выцветшей юбкой застиранного клетчатого платья. «Кто бы мог подумать! Кляр умерла!», – переговаривались между собой боевые маги, которые давно сменили доспехи на униформу и заклинания «свистков».

– Я! Я ее внучатая племянница! – изобразила я провинциальную скромность с непременным выражением лица: «А что здесь происходит?». – Она ведь вернется?

– Нет, – грустно вздохнул один из них, положив мне руку на плечо. – Ваша родственница Саломея Кляр скончалась се-

годня ночью. Ваше письмо подлинное! И завещание тоже...

Он потряс моими записями, с которых еще сходило заклинание подлинности, рассыпаясь сверкающей пылью на мой шикарный ковер. Я честно пыталась выдавить слезу, размазывая сопли по лицу: «Неужели? Она была такой молодой. Какой ужас!». Зажав рот рукой, я кивала, переводя взгляды на служанку и правоохранителей.

– И теперь вы – единственная наследница состояния этой старой карги, – ободрил меня маг, пока я уныло опустила голову. Он осмотрелся по сторонам, а потом шепнул: «Я бы даже сказал, что прелестная единственная наследница! Кстати, вы замужем?».

– Это наследство делает меня прелестной? Или... или... О, я не могу! Я так хотела, чтобы бабушка Саломея помогла мне на отборе, – почти натурально рыдала я, вовремя шмыгая носом. – Я хочу выйти замуж за принца! Очень хочу! Я всю жизнь мечтала о принце! Мне даже одна ведьма нагадала!

– Роза, дорогая, принц – это ерунда! – ободрил меня еще один любитель богатых наследниц, кокетливо накручивая ус. – Есть в мире много женихов, которые лучше, чем...

– Оставьте меня одну, – всхлипнула я, прижимая к груди свой саквояж от которого веяло сыростью и плесенью. Все, кроме старой служанки, удалились, закрыв за собой дверь.

– Думала, она меня переживет, – усмехнулась старуха, глядя на мой портрет. – А, оказалось, я ее! Да ладно, ну по-

мерла старая карга! Знаешь, я тебе про нее такое расскажу, что сама радоваться будешь! Гнилой человек! За копейку удавится! Помню, как ей в окно три любовника лезли! И потом всю ночь кто-то стонал! Хорошо мужикам было! А она потом ходила и стонала, что спина болит! В ее-то возрасте по мужикам ходить! Тьфу!

Во-первых, это были не любовники, а воры, во вторых, хорошо им не было, а в третьих, они тяжелые. Сами себя на задний двор не оттащат и не похоронят!

– Ой, я вам такое расскажу про нее! Стыдоба одна! – вошла во вкус служанка, пока я делала вид, что рассматриваю дорогушие люстры и ковры. Вовремя сказанное: «Ну ничего себе!» и «Ух-ты!» выдавало во мне провинциальную дурочку, а открытый от изумления рот намекал на то, что все еще под впечатлением. – Помню, как она оргию устроила! Собрала, значит, всех богатеев, закрыла двери и как начала! Они потом все красные выходили!

Не оргию, а родительское собрание. Не устроила, а назначила. А краснеть им пришлось потому, что ни одна из их дочерей не готова к отбору!

– Да это все ерунда! – махнула рукой служанка, пока я рассматривала собственный портрет, висящий в холле и улыбающийся презрительной улыбкой всем входящим. – Вот недавно я проходила мимо ее кареты... А карета вся трясется! Возле дома стоит, а из нее стоны такие! Но мне же из окна видно, что туда мужик садился?

Я не виновата в том, что у одного из отцов стало плохо с сердцем, когда я озвучила сумму обучения!

– Это ж все любовники ей отстроили, – прошептала старуха, кивая в сторону фотографий потенциальных женихов, висящих в холле для ознакомления. Самому младшему из них было восемнадцать. И он унаследовал не только денежное, но и умственное состояние, которое оставляло желать лучшего.

– Знаете, она мне однажды написала, что у нее работает служанка, которая ворует украшения, тащит со стола продукты и постоянно опаздывает на работу, – заметила я, глядя на старуху взглядом святой наивности.

– Ой, была такая! Буквально на днях уволилась! Вчера или ... эм... позавчера! Помню-помню, – забежали глаза старушенции. – Кажется ее звали ... А, впрочем, не важно... Вам же это не интересно? Так вы приехали на королевский отбор? Хотите очаровать принца?

– Да, конечно! Я всегда мечтала выйти замуж за принца! – противным голосом выдала я, подражая тем очаровательным непосредственностям, которые переступают порог моего дома в надежде удачно выйти замуж. – Знаете, я мечтаю жить во дворце, носить красивые платья, и чтобы принц любил меня до безумия! Мы будем с ним счастливы! Я нарожаю ему кучу деток, а он меня за это будет любить еще сильнее!

– Ой, наивная ты, – покачала головой старуха, лениво падая на стул и обмахиваясь тряпкой. – Моя сестра работает

во дворце горничной... Так вот, женщины принца не интересуют... Вообще... Он у нас больше по мужчинам! Недавно королева сама об этом сказала!

– Да вы что? – я прижала ручки к груди, а мои губки задрожали. – Неужели!

– Зуб даю, – прошептала старуха. – Ой, заболталась я тут с тобой. Мне еще принцу штаны зашивать! Деревянный у нас есть. Для тренировок! И помаду с него соскребать... Со всем забыла! У него же штаны вонять будут! Баклажан испортиться!

Я побрела по лестнице, дошла до своей комнаты, делая вид, что не решаюсь войти, а потом заглянула в нее и вошла, закрывая дверь. Отлично! Можно расслабиться! Саквояж я зашвырнула подальше, а сама упала в ванную, нервно выстукивая пальцами по бортику боевой марш. Я уже знала, что надену, поэтому была спокойна.

Перо скрипело по бумаге, а я писала правила, которые необходимо выполнять на отборе. «Ничего не есть с общего стола. Есть только те продукты, вкус которых ты знаешь наверняка. Не вступать в союзы с другими участницами, не водить с ними дружбу. Не покидать выделенные покои без моего сопровождения и разрешения. Четко выполнять все мои требования. С принцем не спать!!!». Я прямо выделила этот пункт, вспоминая один развеселый отбор с очень шустрым и любвеобильным герцогом, на котором лучше было не наклоняться вообще.

В дверь постучали, а я выглянула в окно, видя целую толпу мужиков с цветами. «Я устраиваю отбор! И ты уже моя фаворитка!», – орал самый горластый, улыбаясь беззубой улыбкой. «Приходи ко мне на отбор! Я тебя отберу!», – кричал еще один, размахивая букетом, сорванным с моей собственной клумбы. На клумбе остались жалкие потуги на растительность, но и у нее не было шансов выжить под напором страсти. «Я ради тебя отменю отбор!», – орал толстяк, дружелюбно улыбаясь сразу тремя подбородками.

Если у женщины есть деньги, у нее не бывает прыщей. Если у женщины есть деньги, то у нее не бывает лишнего веса. Если у женщины есть деньги, то она – самая красивая. Это я поняла еще давно, поэтому смотрела на то, как со всего города подтягиваются толпы женихов, прослышавших о богатенькой наследнице – провинциалке.

– Я буду любить тебя! – кричал молодой парень, посылая мне воздушный поцелуй. – Я уже влюблен!

Я никогда не была обделена мужским вниманием. Особенно мужчин, обделенных интеллектом.

– Ой, – высунулась я в окно. – Вы меня напугали! Думала, что приставы пришли! Конфисковывать имущество за долги! Просто с утра уже приходил один... Но я его не пустила! Он обещал прийти с помощниками...

Улыбки померкли на счастливых лицах, пока я наслаждалась произведенным эффектом. А теперь удар ниже пояса!

– Поэтому я как раз ищу мужа, который поможет мне по-

гасить все долги моей родственницы, — я выискивала глазами желающего взвалить на себя столь почетную обязанность в обмен на красивые глаза, милую улыбку и прочие нежности. По лицам ухажеров было видно, что дебет с кредитом не сошелся, точно так же, как и звезды в этот злополучный для самооценки день.

— Куда же вы? — кричала я вслед, свесившись из окна. — А как же любовь?

Любовь прошла, завяли цветы, брошенные возле дома. «Что? Что такое? Меня кто-то звал?», — зашевелилась во мне любовь, подслеповато осматриваясь по сторонам. «Ничего, просто показалось!», — усмехнулась я, закрывая окна и падая на кровать. Снился мне странный сон, словно посреди отбора я снова становлюсь старухой. Проснулась я в холодном поту, ощупывая лицо и руки.

Городские часы гулко пробили над городом, который не планировал засыпать в такой день, десять вечера. Над дворцом, который был виден в сиреневой полоске летнего заката, рассыпался роскошный салют.

— А для кого-то этот салют будет последним, — вздохнула я, вспоминая ужасы отборов такого масштаба.

Я подошла к маленькой шкатулке, открыла ее, видя, как над ней появилась магическая проекция. Самая бесполезная вещь в моем доме!

— ... я еще не определился... Но мне нравится Мариэлла... Хотя, Катлин тоже ничего, — шамкал старенький дед,

сидя на огромном камне возле костра. – Я подвинусь к костру поближе, а то поясницу поддувает.

– Как ты можешь! – закричала старуха в платье, кутаясь в шаль и надрывно кашляя. Другие бабушки сидели возле костра, нахохлившись, как воробьи и смотрели на одинокого дедушку с осуждением. – Мы же с тобой на свидание ходили! Обманщик! У меня от тебя... ревматизм!

– Аурика! – заорала одна бабка, а к ней бросилась девочка, что-то рассказывая. – Все, к маме или поиграй с другими детьми.

– А дедушка уже оплелелся? – слышался детский голосок.

– Нет, – вздохнула бабка, а где-то слышался многочисленный топот детских ног и визг: «Дедушка еще не рефил!».

– Продолжение магического шоу «Замок два» триста двенадцатый сезон смотрите после рекламы. Мы строим замок и проходим отбор уже сорок восемь лет! Кого выберет Альфонс? Это вы узнаете после рекламы! – крупным планом показывали недостроенный замок, разбросанные стройматериалы и кучку вопящих у костра пенсионеров. – Новое зелье для чистки туалетов! Бактерии кончают жизнь самоубийством еще при виде флакона!

Картинки менялись, а я зевнула.

– Волшебный чай для мужчин «Фея». Поможет вашей тычинке снова опылять чужие пестики! – произнес сладострастный голос. Я начинала крутить маленькую ручку шка-

тулки, меняя изображения.

– Ты меня совсем не любишь! – кричала какая-то девица, прижимая к груди платье под драматическую музыку. – Если бы любил, то уже бы выбрал!

– Я люблю тебя Изольда. И отбор тут не причем! Если бы не отбор, мы бы никогда с тобой не встретились! – пылко распинался мужик, наскоро одеваясь. – Но дело не в отборе... Дело в моей матери!

– Она почему-то меня ненавидит! Постоянно придирается, орет на меня, проклинает! Я ведь ей ничего плохого не сделала! – рыдала красавица. – Я не думаю, что это как-то связано с тем, что я беременна от твоего отца! Тут дело в другом!

– Какой кошмар, – вздохнула я, снова вращая ручку. На экране появилась старая колдунья в черном плаще с огромным магическим шаром.

– Вижу твою судьбу, Виолетта, – слышался голос ведьмы. – Духи говорят, что ты пройдешь первый тур... Это точно... Но будет сложно!

– Неужели? – послышался женский голосок. – Я стану королевой? Да? Принц полюбит меня? Точно?

– Мой взгляд туманится... Будущее твое снова скрывается под завесой! – начала ведьма, а девичий голос всхлипнул: «У меня уже деньги кончились!».

Я снова крутанула ручку, видя, как два каких-то пижона виляют попами и поют: «Я выбираю тебя, моя дорогая! Ты

победила в финале, я точно знаю!».

— А теперь время приветов и поздравлений, — послышался голос магички. — Лючия передает привет и тысячу поцелуев принцу! И просит поставить песню: «Я выбираю тебя, моя дорогая!». Эту песня была только что, а мы читаем еще одно послание. «Дорогой принц! Я жду встречи с тобой! Твоя Даниэла. И прошу поставить песню «Я выбираю тебя, моя дорогая!». «Поставьте песню «Я выбираю тебя, моя дорогая!» и передайте жаркий поцелуй принцу от его будущей жены Лилианы.

Ручка провернулась еще немного, а перед глазами появилась главная площадь страны.

— ... и сейчас мы находимся на площади перед дворцом! — послышался запыхавшийся голос самого известного магического вещателя Агнуса Дайе, который сновал между разгуливающими красавицами и их группами сопровождения в своей радужной мантии. — Не знаю, как вы, но я и сам волнуюсь! Кто-то из этих красавиц — наша будущая королева! Вы только присмотритесь к этим нарядам! Они волшебны! Каждая участница просто прелесть! Как тут принцу устоять! Я бы на месте принца сразу бы влюбился! Говорят, что в этом году будут учитываться симпатии народа! И король учредил специальную награду для той, которая одержит победу в этой номинации! У нее будет шанс один раз пройти в следующий тур, даже ее выгоняют с отбора!

Я видела пестрые платья «какашка единорога», сверкаю-

щие драгоценности, счастливые лица родителей и девушек. «Ты меня внимательно слушай! Если принц подойдет к тебе, ты сразу сделай вид, что его не замечаешь! Поняла?», – наставляла мать девушку в платье цвета какашки единорога, которая кивала.

– Вы это видели? – прошептал Ангус, улыбаясь ослепительно белой, как унитаз улыбкой. – Они секретничают! В каждой семье есть свой секрет прохождения отборов! И эти секреты передаются по наследству! Напоминаю, мы ведем прямой портал с главной площади нашей страны!

Ручка щелкнула, а я увидела магичку, сидящую за роскошным столом, а позади нее мелькал дворец и салют над ним.

– Сегодня ровно в полночь начнется самый грандиозный отбор! – рассказывала она. – Участницы уже собираются на центральной площади. Двери королевского дворца еще не открылись, а мы с нетерпением ждем начала этого невероятного события! Оставайтесь с нами, и вы узнаете все про каждую участницу! А теперь криминальные новости.

Дворец померк, а в иллюзии появилось сверкающее голубое платье.

– Участились случаи пропажи платьев и драгоценностей! Несколько преступниц уже задержаны и против них возбуждено уголовное дело.

В иллюзии появилась старая графиня, вытирающая слезы кружевным платком: «Эта неблагодарная украла мое платье

и драгоценности... И даже мои любимые туфли...».

– Преступнице не удалось скрыться, поскольку туфли были на три размера меньше! – комментировала магичка, а во всю иллюзию появилась растрепанная рыдающая девица с веснушками: «Я просто хотела попасть на королевский отбор! Я бы вернула платье! Клянусь!».

– Еще один вопиющий случай произошел в поместье Блэквик, которое находится в старом городе. Служанка украла платье, которое приказали отнести в гардеробную и попыталась в нем скрыться в известном направлении! Преступницу удалось обезвредить. Наряд хозяйской дочери не пострадал!

Я снова переключила ручку, видя, как рассыпается салют над замком, а все замирают в восхищении.

– Да, да! Это просто невероятно, – слышался бодренький знакомый голос ведущего. – По словам официального представителя королевской семьи, все девушки будут размещены в лучших покоях замка! Мы будем держать вас в курсе событий!

Я переключила ручку, видя седого старца, который заунывным голосом рассказывал о том, что отбор – это естественно.

– Вы понимаете, что в связи с кризисом рождаемости мальчиков, на десять девчонок по статистике девять ребят... – чах он над белым столом. – А это уже конкуренция... Раньше отборы практиковались исключительно в королевских семьях, но сейчас они практикуются везде. А все потому, что

пятьдесят лет назад война выкосила большую часть мужского населения Норланда. И тогда его величество Дуард Шестой разрешил проводить отборы. Теперь это стало традицией... Смертность на отборах составляет одна-две участницы. За редким исключением. Например, как на королевском отборе. Обычно до финала доживают немногие... Хр-р-р-р!

Дед захрапел, а я с раздражением закрыла шкатулку.

– Двенадцать девчонок на молодца. Йо-хо-хо, и конец отбора! – промурлыкала я, доставая из шкафа траурное черное платье.

Я снова переключила ручку, видя, как рассыпается салют над замком, а все замирают в восхищении.

– Да, да! Это просто невероятно, – слышался бодренький знакомый голос ведущего. – По словам официального представителя королевской семьи, все девушки будут размещены в лучших покоях замка! Мы будем держать вас в курсе событий!

Я переключила ручку, видя седого старца, который заунывным голосом рассказывал о том, что отбор – это естественно.

– Вы понимаете, что в связи с кризисом рождаемости мальчиков, на десять девчонок по статистике девять ребят... – чах он над белым столом. – А это уже конкуренция... Раньше отборы практиковались исключительно в королевских семьях, но сейчас они практикуются везде. А все потому, что пятьдесят лет назад война выкосила большую часть мужско-

го населения Норланда. И тогда его величество Дуард Шестой разрешил проводить отборы. Теперь это стало традицией... Смертность на отборах составляет одна-две участницы. За редким исключением. Например, как на королевском отборе. Обычно до финала доживают немногие... Хр-р-р-р!

Дед захрапел, а я с раздражением закрыла шкатулку.

– Двенадцать девчонок на молодца. Йо-хо-хо, и конец отбора! – промурлыкала я, доставая из шкафа траурное черное платье.

Я лениво натянула на себя траурное платье с подъюбником, разглаживая его на себе и щелкая крючками корсета.

– Уронили принца на пол, – вздохнула я, пересчитывая пальцами скляночки с противоядиями, пришитые к нижней юбке.

Из ящика я достала красную коробочку со сверкающей брошью и осторожно застегнула ее на груди.

– Принц не будет больше папой, – усмехнулась я, осторожно проверяя отравленную иголку броши.

Собранные в пучок волосы сколола красивая заколка.

– Все равно его не брошу, – заметила я, загадочно улыбаясь и резко выхватывая заколку из пучка. Лезвие сверкнуло и тут же исчезло. Я снова поправила прическу, заправляя за ухо непослушный локон.

– Потому что, совесть гложет, – вправляла я в уши серьги в виде капелек. Одной такой капельки достаточно, чтобы всю комнату заволочло едким туманом.

– Она была такой милой девушкой, что тройное убийство на отборе так и не раскрыли, – усмехнулась я сама себе, трясая головой и проверяя прическу. Черные кружевные туфли на высоком каблуке идеально дополнили образ вдовы, похоронившей свою совесть, честь и чужие мечты ради короны.

Глава пятая. Дворец соплям не верит

Экипаж уже ждал меня возле дома, пока я спешно спускалась по лестнице, приподнимая пышную атласную юбку цвета воронова крыла.

– Прошу, – спило пригласил меня старый кучер, пока я усаживалась поудобней на кожаных сидениях и готовилась к встрече с чужим принцем и всеми вытекающими из принца последствиями. Огромные часы на Черной Башне пробили без двадцати полночь, когда мы въехали на роскошную, освещенную магическими огнями площадь перед дворцом. Над площадью рассыпались фейерверки и салюты.

– Это в вашу честь, красавицы! Все в вашу честь! Смелые, отважные, красивые! Я бы на месте принца потребовал гарем! Но нет, победительницей станет только одна! Одна – единственная, неповторимая, особенная! Самая красивая, самая умная, самая очаровательная. Именно такой должна быть наша блистательная новая королева! – слышался бодренький голос знакомого мага-диктора, снующего между платьями. Я смотрела на одинаковые платья и прически, из которых торчали золотые рога. Единороги кочевали по площади, сливаясь друг с другом и сбиваясь в стада. Отдельные

умные особи держались особнячком, подвергаясь насилию над психикой со стороны добрых советчиков.

– Хочешь погадаю, красавица! – послышался скрипучий голос, стоило мне обернуться. Ко мне тут же бросилась шустрая бабка в лохмотьях. – Всю правду скажу! Вижу, как ты проходишь первый тур...

Я с усмешкой отмахнулась от нее, нервно ища глазами знакомый экипаж. «Свежие сплетни про отбор! Я работаю в замке! Недорого! Свежие сплетни!», – орал чумазый мужик, стоящий возле роскошного фонтана. «Список конкурсов отбора! Я подслушал разговор короля и королевы!», – пытался перекричать его еще один оборванец. – «Первый конкурс будет, кто лучше всех станцует для принца! Больше бесплатно ничего не скажу! Пять золотых за список конкурсов!».

– Как вам не стыдно, господа, – усмехнулась я, глядя на мятые бумажки в руках информаторов. – Почему так дешево?

– Это шанс! – кричали родители, высыпая последнее золото и вырывая из грязных рук списки конкурсов. Мятые бумажки несли участницам, ревностно оберегая от вездесущих и любопытных глаз.

– Вон она! Держите ее! – внезапно на меня бросились доблестные маги после истеричного женского крика. – Это она украла мой браслет! Это она! Я ее узнала!

О, старый фокус!! Меньше народу – больше шансов на принца. Отбор уже начался. Просто мало кто об этом знает.

– Мы вынуждены задержать вас на несколько часов до выяснения всех обстоятельств дела, – послышался деловой голос молодого боевого мага, пока я смотрела на нарядные доспехи и волевой подбородок – лопату.

– Знаете, молодой человек, я бы задержала вас на пару суток, для выяснения обстоятельств тела, – усмехнулась я, глядя на широкие плечи, нагловатую улыбку и протягивая документы.

– Вы... Вы и есть та родственница старухи Саломеи? – опешил маг, пока я мило улыбалась.

– Одной из самых богатых женщин Норланда, – помогала я мыслительному процессу, понимая, что за широкими плечами и нагловатой улыбкой скрываются две маленькие, но очень миленькие извилинки. И сейчас они трутся друг об друга со страшной силой, пытаюсь понять, зачем одной из богатейших наследниц воровать чужой браслет?

– Ой, простите, мы подумали, что вы одна из тех, кто... – мялся и краснел красавец, разочаровывая меня все сильнее. – Ну вы поняли? Платья там похищают... Драгоценности... Может, слышали?

– Держите ее! Она украла мою диадему! – заверещала та же «обворованная» девица, тыча пальцем в еще одиноко стоящую девушку, которая при виде магов тут же побледнела, трясая головой и отрицая свою причастность к грабежу, насилию и разбою.

Где эта семейка? Я оборачивалась по сторонам, видя стада

единорогов, пасущихся на пастбищах сплетен и пересудов. Часы на башне гулко пробили без пяти полночь!

– Штраф за непунктуальность – тысяча золотых, – напомнила я себе, рассматривая свои ногти. – Или они думают, что мне этот принц больше всех нужен? Мне же проще, если они не приедут.

Часы пробили полночь, а все застыли, ожидая, когда золотые ворота замка торжественно приоткроют завесу тайны.

– О, уже полночь! – слышался внезапно ставший таинственным голос Ангуса, который был вездесущ, как боли невралгии. Над площадью реяла огромная иллюзия из разноцветных светлячков, которые складывались в картинки. – Но ворота пока что заперты! Только что поступили данные, что во дворце готовится сюрприз для всех участниц! О, как томительно это ожидание для юных девичьих сердечек!

– Как томительно ожидание для старческих почек, – вздохнула я, как вдруг на площадь въехал невзрачный, испачканный грязью экипаж. Он едва не перевернулся, подпрыгнув на каком-то камне. Из экипажа тонкой струйкой моего терпения вытекали старые знакомые.

– Успели? – вцепилась в меня мать, глядя на городские часы. – Простите, просто мы долго собирались... Сами понимаете! То туфли не подошли, то украшения...

– Нет, что вы, – усмехнулась я, стряхивая ее руки с себя. – Я вовсе не обиделась. Обиделся мой кошелек. А утешить его может денежка. Тысячи золотых вполне достаточно.

– Фух, – лаконично выдохнул глаза семейства, выражая свой восторг от случайного совпадения и одновременно ужас от незапланированных трат. Следом за ними из кареты походкой королевы вышло еще одно однорогое копытное, шелестя своим пышным радужным платьем.

– Две тысячи, – произнесла я, глядя на сверкающие драгоценности и туфли – копыта, и не видя шали. Да я бы никогда не нацепила это платье! Ладно, в прошлом году были феи, в позапрошлом – эльфы. Я терпеливо жду, когда мода снизойдет до гномов.

– А почему так дорого? – опешил глаза семейства, пока я смотрела на Изабо. Ни шали, ни брошки. Ничего вышеперечисленного.

– Вы знаете, – спокойно улыбнулась я, глядя на то, как наш единорожек сливается со стадом других, пощипывающих листочки с конкурсами и платочки. – Все штрафы идут на поддержку бедных, несчастных, находящихся на грани вымирания маленьких существ. Их так мало осталось! А жестокие и бессердечные люди не задумываются о том, что безжалостно истребляют их каждый день!

– Фей? – удивилась мать, поглаживая руку дочери.

– Моих нервных клеточек, – ответила я, глядя на Изабо. – Где шаль, о которой я говорила?

– Понимаете, – тут же вмешалась мать, улыбаясь мне заискивающей улыбкой. – Мы подумали и решили, что не стоит нервировать бедного ребенка накануне отбора! Ей ужас-

но не нравилась эта шаль. Она проплакала почти всю ночь... Поймите, у нас тоже сердце не камень, хотя мы убеждали ее, что так будет лучше, что Саломея Кляр плохого не посоветует! Но видя ее слезы... У вас просто самой нет детей, поэтому вам не понять!

– Мои детки – мои нервные клетки, а каждая морщинка – разочарование в мужчинке, – спокойно заметила я, пока Изабо вертела головой, а мимо нас шуршали одинаковые юбки.

– Но мы все-таки прислушались к вашему совету и добавили розовый бантик! – авторитетно произнес отец, показывая на маленький бантик на корсете. – Вот мы и решили, что бантик – это отличная идея! Наша дочь должна чем-то отличаться!

– Баблом и соблазнительностью, если не может умом и сообразительностью, – невозмутимо произнесла я, доставая листок и разворачивая его. – Так, на чем мы остановились?

Я посмотрела себе под ноги.

– Ах, да! На вашей самооценке, которой я займусь потом. Итак. Пять правил отбора. Правило первое. Никакой дружбы, союзов, альянсов с другими участницами. Помни, ничего хорошего, кроме денег, словом «кучка» не назовут! Правило второе. Осторожность с едой. Ты на диете, которая называется «Я еще жить хочу!». Очень эффективная диета, которая помогает похудеть на пару килограмм нервных клеток. Правило третье. Никаких прогулок. Ни днем, ни ночью, ни в

одинокестве, ни в компании. Свежий воздух на отборе очень вредит здоровью. Точно так же, как и тяга к прекрасному. Правило четвертое. Никаких романов с придворными, слугами и так далее. Надеюсь, этот пункт понятен? И переходим к последнему пункту. Запоминать обстановку комнаты. Если обнаружишь вещь, и тебе внезапно покажется, что ты ее раньше не видела – моментально выбрасываешь ее в окно. Даже, если показалось, что это подарок от самого принца.

Я передала лист семейству, а отец поднял на меня глаза, в которых читался полный финансовый кризис.

– Там напротив каждого пункта написан штраф! Вы с ума сошли ставить такие суммы! – воскликнул он, утирая пот со лба скомканным черным платком. «Все будет хорошо!», – гладила мать бледную чуть дрожащую руку. Изабо надменно провожала взглядом какую-то девицу в точно таком же платье.

– Я же сказала. Либо я быю учениц, а иногда даже плохими словами по самооценке, либо я быю по карману родителей, – произнесла я, глядя в глаза отцу.

– Да, но не такие суммы! – закусил губу глава семейства, сводя дебет с кредитом и поражаясь моим финансовым аппетитам. – Мадам Катлин Телфи брала куда меньше! Ее школа тоже считалась одной из лучших в городе!

– И почему здесь не мадам Телфи? – спросила я, глядя на Изабо, поправляющую свой розовый бантик. – И чему же вас там учили, милое дитя?

– Мы учились по сказкам! Нас учили мысленно проживать отбор, – пояснила девушка, пока ее мать кивала каждому слову. – Нас учили представлять, как ты побеждаешь в отборе! Мадам Катлин говорила нам побольше мечтать! Нас учили, как правильно улыбаться принцу, чтобы произвести на него впечатление. Я, между прочим, закончила Академию Мадам Катлин с отличием!

– Что ж ты раньше не сказала, золотко ты мое! – ласково произнесла я, глядя на нее с умилением. – Что ж ты молчала, что вы учились по старым сказкам! Слушай меня внимательно! Молчишь, как русалочка, сохраняешь спокойствие Белоснежки, ночью дрыхнешь, как спящая красавица... Так понятней?

– Папа! – внезапно заорала Изабо, поднимая юбку и мчась в сторону торговца конкурсами. Ее семейство ломанулось следом. «Все конкурсы с отбора! Прочитала – принца завоевала!», – горланил торговец совестью.

– Это наш шанс! – кричал отец, раскошеливаясь на бумажку. «Тут танцы! Мадам Телфи учила нас танцевать!», – шушукалась семья, пока я смотрела на них с умилением.

– Самое мудрое вложение денег из тех, которые я видела, – усмехнулась я, пока семейством обсуждалась песня на конкурс песен. Нищий смотрел на меня, а я смотрела на него, показывая перстень. – Если бабушка умерла, это еще не повод прикарманить себе всю выручку. Берешь свой процент, а остальное относишь в мою школу. Гадалкам скажи тоже

самое. И только попробуйте не отчитаться. Вы знаете, что будет.

– Хорошо, – процедил сквозь зубы торговец, исчезая в толпе. На меня смотрели удивленные взгляды.

– Один бизнес – хорошо. Три бизнеса лучше, – вздохнула я, глядя на мятый листок в руках любителей расставаться с деньгами.

«И вот он долгожданный момент! Врата королевского дворца открываются! Мы будем за вас болеть и переживать! За каждую!», – слышался громкий голос мага. Все дружно бросились обниматься, прощаться. «Ты обязательно победишь!», – кричали родители дочерям. «Я стану королевой!», – кричали они родителям.

«Но перед вратами установлен магический детектор! Все мы помним главное правило – никаких магических артефактов! И никаких магических зелий влюбленности! В случае обнаружения – вы дисквалифицируетесь!», – торжественно произнес Ангус, пока девицы выстраивались в пеструю цепочку. Я поставила Изабо впереди себя, терпеливо ожидая своей очереди. Странно, но принц еще никому не изменил, а все уже с рогами.

– С собой нет магических артефактов? – спросила я Изабо, прекрасно зная, что мои маленькие друзья, спрятанные в одежде и украшениях прошли не первый отбор.

– Нет, я прекрасно знаю правила, – гордо ответила Изабо, пока я думала, как представить ее принцу. «Следующая!», –

послышался голос, а я обернулась, видя длинную шеренгу единорогов, изредка разбавленную здоровым смыслом в виде обычных платий. Сверкающая арка внезапно на всю площадь завизжала, а девица, стоящая в ней отпрянула.

– Это фамильное кольцо! Я не знала, что оно магическое! Честно! – кричала девушка, а ее отодвинули в сторону, поставив магическое клеймо на лбу «Дисквалификация!». Слезы брызнули из глаз самой хитрой, а она бросилась к фонтану с остервенением отмывать метку.

Изабо держалась неплохо, а мы все приближались к магической арке. «Пусть красавица не переживает! Метка пропадет сама – собой через час! Очень жаль, но королевы, не умеющие читать, нам не нужны!», – послышался голос Ангуса, а я пристально смотрела на еще одну красавицу, которая спорила со стражей, уверяя, что ее подставили! И это не ее брошь очарования! На ее раскрасневшемся лице уже сверкала знакомая надпись.

– Это все Маргарита! – до хрипоты кричала девица, но никто не обращал на нее внимания. – Она мне подсунула ее!

Изабо шагнула в арку, как вдруг раздался отвратительный писк. Над аркой появилась надпись: «Любовное зелье!». Я опешила, не веря своим глазам. Из – под юбки у Изабо показался маленький флакончик с золотой крышечкой, вылетая в руки магов.

– Дисквалифицирована! – произнес маг, пока побледневшая Изабо ощупывала свой лоб, на котором виднелось по-

зорное клеймо.

– А мадам Телфи говорила, что... – опешило юное дарование, которое я мечтала вернуть производителям без штампа «брак». Я схватилась за живот и прижала платочек ко рту, имитируя нервную тошноту.

– Ой, что-то я перенервничала, – задыхалась я, сгибаясь пополам и глядя на то, как Изабо пытается что-то доказать магам, но безуспешно. – Можно я попозже!

В арку уже зашла девица, стоявшая за мной. Она спокойно миновала ее и прошла в золотые врата, где ее уже учтиво встречали слуги. Я отошла на безопасное расстояние, а потом цокая каблуками, как заправская кавалерия, бросилась в сторону Изабо. Ужас моей нервной системы вместе с другими девицами в отчаянии терла лоб водой из фонтана. «Не смывается!», – рыдала растрепанная блондинка, растирая свой покрасневший лоб.

Мать суетилась возле Изабо с мокрым кружевным платочком, пытаясь яростно стереть позорную надпись. От прически не осталось и следа. Сама убийца моих нервных клеточек подвывала, помогая матери дрожащей рукой.

– Да вы просто находка для моего ненасытного кошелька! – усмехнулась я, подходя поближе.

«Кажется, оттирается!», – причитала мать. Отец был немногословен, но очень красноречив.

– Мадам Тэлфи говорила, что можно! – верещала она. «Алхимик сказал, что его не найдут! Он давал гарантию!», –

орал отец. Что орала мать, я так и не услышала.

Я схватила за руку Изабо, пинками загоняя ее в карету. Она тряслась и возмущалась несправедливости, пока я орала: «Трогай!». Судя по всему, отец семейства воспринял это слишком буквально, навалившись на меня всем телом!

– Быстро, круг по соседним улицам! На платок и ко лбу! Держать две минуты! Не больше! Иначе будет ожог! – приказала я, вытряхивая из юбки один из пузырьков.

– Мама! – рыдала Изабо, пока я понимала, что нас уже видели вместе.

– Стоять! – заорала я, вскакивая с сидения и еще на ходу выскакивая из кареты и бросаясь на улицу. По улице брела рыдающая девица, в платье, от которого меня скоро будет тошнить. И возможно даже на платье. Клеймо позора горело на ее лбу, пока она размазывала сопли по лицу. А еще она мечтала размазать какую-то крестную, видимо, подавшую гениальную идею.

– Мне нужна твоя одежда, – трясла ее я, видя заплаканные глаза и съехавший рог прически. – Сколько стоит? Быстро! Отвечай!

– Тысячу золотых, – всхлипнула девица, душа платок, как шею крестной.

– У меня нет с собой таких денег! – развел руками отец семейства, решив ударить финансовым кризисом по моей расшатанной нервной системе.

Он полез в кошелек, глядя на меня виноватым взглядом,

словно заделал мне внебрачного ребенка.

– У меня есть... раз... два... Кажется, пять...

– Бумагу и перо! – задыхаясь, приказала я, прямо на дверце кареты выводя расписку и тыкая ее будущей убийце крестной.

– Вот, приходи в школу Саломеи Кляр. Бесплатно. Поняла? Она тебя всему научит. Пройдешь любой отбор! Хоть к герцогу, хоть к графу! Меняемся платьями! Только быстрее! – трепала ее я, приводя в чувства.

– Неужели? – глаза девицы округлились.

Соображала девица так медленно, что я уже была спокойна за ее крестную.

– Быстро! – рявкнула я, глядя как красавица медленно стала расстегивать корсет.

– Тебе что? Музыка включить? – шипела я, расшнуровывая ее корсет. – Приличные девушки раздеваются только под менуэт? Спеши, как голая на кровать!

Если до этого дня никто не додумался проклясть эту семейку, то я быстро наверстала упущенное! Сначала краснела Изабо с платком на лбу. Потом очередь подкралась к ее матушке. Когда покрылся стыдливым девичьим румянцем отец, я уже вытряхнула девицу из ее платья, ныряя с ним в карету.

– Мне отвернуться? – деликатно спросил папаша, до сих пор не уверенный, что правильно понял значение фразы:

«Феерлядская прахомидия!». Ему было важно знать, что означает это заклинание. И как оно в целом способно ускорить процесс раздевания.

Я сдирала платье, вытряхивая из него себя и все свои пожитки.

– А мышкин хобот тебе промеж глаз, что означает? – деликатно спросила мать, решив повесить свой уровень образованности в такой подходящий момент.

– Как вы можете так ругаться! – воскликнула Изабо. – Это неприлично!

– Ты на кого юбочкой шуршишь? – в упор спросила я, выбрасывая черное платье в окно.

Изабо гордо посмотрела на меня, но промолчала, пока я пыталась натянуть юбку. За каретой бежала девушка с криками: «Спасибо!». Юбка уже побывала «гнилым прыщом на попе феи», но даже это не могло помочь ей застегнуться.

– Простите за нескромный вопрос, – прокашлялась мать, пока я пыталась влезть в чужой корсет.

«Шоб тебя кентавр ускакал!», – ругалась я сквозь зуб, расправляя радужное убожество и прикрывая корсетом белые полосы.

– А откуда у вас эти шрамы? Их так много... У вас была кошечка? – осведомилась мать, заглянув на лоб дочери.

– Есть пятно на биографии – ухудшение демографии, – усмехнулась я, пытаясь застегнуть корсет и утрамбовать в него природные богатства.

Накрутив волосы на рог, я стала распихивать свои сокровища по укромным местам.

– Вы неправильно сделали рог, – деликатно заметила мать семейства, обнимая икающую Изабо.

– Вы неправильно сделали дочь, – резко ответила я, глядя на комок страданий. – Ничего, жизнь переделает!

Мы лихо вошли в поворот накренясь так, что Изабо упала лицом в грудь матери. На меня повалился хозяин, целясь примерно туда же, но с куда большим восторгом.

Карета на скорости вылетела на площадь, рассекая огромные лужи грязи и обрызгивая ею зевак. Отобрав у матери платок, я внимательно посмотрела на чистый лоб красавицы, устроившей геноцид моих нервов.

Схватив юбку в одну руку и Изабо в другую, я неслась через всю площадь к тающей на глазах очереди.

«А вот и опоздавшие! Девочки! Как вам не стыдно! Принц не любит ждать!», – слышался голос Ангуса, пока наши лица крупным планом показывали на экране.

Я немного успокоилась и сбавила шаг, видя, что время еще есть. Мой рог воинственно съехал на лоб. «Модель – одноголазый принц!», – пронеслось в голове, когда мы проходили мимо огромной лужи.

– А Мадам Тэлфи говорила, что принц любит тех, кто опоздал! – поучала меня Изабо, пока я тянула ее за потную ладошку.

– Смотри! Это же принц! – опешила я, открыв рот и дико

округлив глаза.

– Где? – радостно завизжала Изабо, обернувшись. Я хладнокровно с ноги толкнула ее в грязь.

Грязь чавкнула и разлетелась по сторонам, заставив меня брезгливо отшатнуться. Это на случай, если кто-то запомнил ее лицо.

«Аааааа!», – послышался рев, а я изобразила крайнее удивление.

– Кто это сделал? – с ужасом прикрыла я рот рукой, осматриваясь по сторонам. – Кто посмел? Мы его найдем и накажем! Ой, как накажем! Покараем!

– Иииии! – верещала Изабо. С ее лица, волос и рога капала грязь. На юбке и корсете появились два огромных уродливых пятна. Трясущиеся руки красавицы были в грязи, но она пыталась ими вытереть лицо.

Последняя девушка в очереди уже шагнула в арку. Я с усмешкой смотрела на разбитые склянки и сброшенные драгоценности, валяющиеся под ногами.

– Проходите, – послышался голос мага, когда рыдающая Изабо сделала шаг в арку. – А вот и последняя участница. Прошу!

Я шагнула в арку следом за «сиреной». «Все в порядке», – послышался уставший голос мага, пока я решительным шагом шла за Изабо.

– Проходите во дворец! – послышался голос за спиной. Дороги назад больше нет. Золотые ворота закрылись за на-

шими спинами.

«Это мой конец!», – рыдала Изабо, глядя на свои грязные руки.

– Побереги эту фразу до момента, когда принц снимет штаны, – мрачно отозвалась я, оценивая обстановку.

Повсюду играла легкая и непринужденная музыка. Слуги в одинаковой одежде разносили закуски. Над садом парили магические свечи в цветочных подсвечниках, и слышались радостные визги: «Я прошла! Ура! Прошла!».

«Я вас ненавижу!», – задыхалась Изабо, а слезы чертили грязные дорожки на ее испачканной мордашке.

– Тоже самое, но только с придыханием во время первой брачной ночи. Мужчин это заводит, – процедила я, отмахиваясь от предложенных закусок.

«Оно такое огромное!», – слышался вой рядом, пока Изабо рассматривала пятно на юбке.

– Очень полезная фраза для мужчин, решивших познакомиться с тобой поглубже, – заметила я, выискивая взглядом мага – вещателя.

– Это невероятно! – внезапно произнес голос Ангуса, а я увидела его силуэт с маленьким светящимся шариком перед лицом. – Вот они все! Все прекрасны, как одна! А какие здесь закуски! Мmmm! Все для вас, принцессы! Можно, я буду вас так называть? Сейчас за вами наблюдает весь Норланд! Помашите ручками и улыбнитесь так, словно улыбаетесь принцу! О! Я уже не устоял от ваших улыбок! Вы улыб-

нулись мне в самое сердце!

Внезапно голос мага резко изменился.

– Я не думал, что такое скажу, но мне ... мне искренне жаль нашего бедного принца, – всхлипывал Ангус почти натурально. – Бедный, как же он будет делать выбор? Ой, а тут одна девушка... Милая, что с тобой случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.